

Борис ПАСТЕРНАК

Февраль

Февраль. Достать чернил и плакать!
Писать о феврале навзрыд,
Пока грохочущая слякоть
Весною черною горит.

Достать пролетку. За шесть гривен,
Чрез благовест, чрез клик колес,
Перенестись туда, где ливень
Еще шумней чернил и слез.

Где, как обугленные груши,
С деревьев тысячи грачей
Сорвутся в лужи и обрушат

Сухую грусть на дно очей.

Под ней проталины чернеют,
И ветер криками изрыт,
И чем случайней, тем вернее
Слагаются стихи навзрыд.

Уроки английского

Когда случилось петь Дездемоне, —
А жить так мало оставалось, —
Не по любви, своей звезде, она —
По иве, иве разрыдалась.

Когда случилось петь Дездемоне
И голос завела, крепясь,
Про черный день чернейший демон ей
Псалом плакучих русл припас.

Когда случилось петь Офелии, —
А жить так мало оставалось, —

Всю сушь души взмело и свеяло,
Как в бурю стебли с сеновала.

Когда случилось петь Офелии, —
А горечь слез осточертела, —
С какими канула трофеями?
С охапкой верб и чистотела.

Дав страсти с плеч отлечь, как рубищу,
Входили, с сердца замираньем,
В бассейн вселенной, стан свой любящий
Обдать и оглушить мирами.

Определение поэзии

Это – круто налившийся свист,
Это – щелканье сдавленных льдинок.
Это – ночь, леденящая лист,
Это – двух соловьев поединок.

Это – сладкий заглохший горох,

Это – слезы вселенной в лопатках,
Это – с пультов и с флейт – Figaro
Низвергается градом на грядку.

Всё. что ночи так важно сыскать
На глубоких купаленных доньях,
И звезду донести до садка
На трепещущих мокрых ладонях.

Площе досок в воде – духота.
Небосвод завалился ольхою,
Этим звездам к лицу б хохотать,
Ан вселенная – место глухое.

Никого не будет в доме,
Кроме сумерек. Один
Зимний день в сквозном проеме
Не задернутых гардин.

Только белых мокрых комьев

Быстрый промельк моховой,
Только крыши, снег, и, кроме
Крыш и снега, никого.

И опять зачертит иней,
И опять завертит мной
Прошлогоднее унынье
И дела зимы иной.

И опять кольнут доньне
Не отпущенной виной,
И окно по крестовине
Сдавит голод дровяной.

Но нежданно по портьере
Пробежит сомненья дрожь, –
Тишину шагами меря.
Ты, как будущность, войдешь.

Ты появишься из двери
В чем-то белом, без причуд,
В чем-то, впрямь из тех материй,

Из которых хлопья шьют.

Август

Как обещало, не обманывая,
Проникло солнце утром рано
Косою полосой шафрановою
От занавеси до дивана.

Оно покрыло жаркой охрою
Соседний лес, дома поселка,
Мою постель, подушку мокрую,
И край стены за книжной полкой.

Я вспомнил, по какому поводу
Слегка увлажнена подушка.
Мне снилось, что ко мне на провода
Шли по лесу вы друг за дружкой.

Вы шли толпою, врозь и парами,
Вдруг кто-то вспомнил, что сегодня

Шестое августа по старому,
Преображение Господне.

Обыкновенно свет без пламени
Исходит в этот день с Фавора,
И осень, ясная, как знаменье,
К себе приковывает взоры.

И вы прошли сквозь мелкий, нищенский,
Нагой, трепещущий ольшаник
В имбирно-красный лес кладбищенский,
Горевший, как печатный пряник.

С притихшими его вершинами
Сосеждествовало небо важно,
И голосами петушиными
Переключалась даль протяжно.

В лесу казенной землемершею
Стояла смерть среди погоста,
Смотря в лицо мое умершее,
Чтоб вырыть яму мне по росту.

Был всеми ошутим физически
Спокойный голос чей-то рядом.
То прежний голос мой провидческий
Звучал, не тронутый распадом:

«Прощай, лазурь преображенная
И золото второго Спаса
Смягчи последней лаской женскою
Мне горечь рокового часа.

Прощайте, годы безвременщины,
Простимся, бездне унижений
Бросающая вызов женщина!
Я — поле твоего сражения.

Прощай, размах крыла расправленный,
Полета вольное упорство,
И образ мира, в слове явленный,
И творчество, и чудотворство».

Сергей Стратановский

Бог

А Бог – не призрак золотой
Не зверь, не звездный жар
Он только голый шар
Бесполой и пустой
Он в комнате повис
Под самым потолком
И смотрит, смотрит вниз
Невидимым зрачком
Мои чернила, стол
Он превратил в тюрьму
Я все отдам ему
А сам останусь гол

То ли Фрейда читать
И таскать его басни в кармане

То ли землю искать
Как пророческий посох в бурьяне
То ли жить начинать
То ли кончить, назад возвратиться
В общерусскую гать
В эту почву, кричащую птицей
Или лучше про пьяную кружку
Поэму писать
И ночами подушку
Как мясо кусать

Читать "Гулаг" на пляже островка
Архипелага греческого моря
Внимая шуму виноцветных волн
Потом вздохнуть и вспомнить, что пора
Ему обедать, и захлопнув книгу
Отправиться в отель, а после в ресторан
На старой шхуне, и поев омаров
И теплый ветерок, и чайки в синеве...
И вспомнить, как тогда,

в кромешной Колыме...
Но что комплексовать
и пафос глуп моральный
И раю не бывать
без ямы inferнальной
Без этой свалки тел...
и кофе отхлебнув
Он закурил сигару

Акт агрессии тела
С целью кайфа на теле другого
Производится в средах
текучих, сыпучих, зыбучих
И пахучих, и губительно-жгучих,
А именно:
В молоке и крупе
В аравийском песке и цементе
В алебастре и в извести,
в мазуте и дегте, в асбесте
В животе бронезавра

при бомбометаньи внезапном
На землице окопов,
на кровостранице законов
Времени Икс, часа «Ч» и еще
На Монблане отходов,
в лохани мочи и в говне
И на звездном ковре
у Блюстителя Смерти за дверью

Вопленица

Причитая над пьяным своим мужиком,
плетя кружево
Слов старинных,
над пьяным как мертвым плетя
За уroda-дитё, за побои почти ежедневные
Плач-рыданье плетя,
слова гневные
Над живым как над мертвым,
чтоб сдох через миг, не проснулся

Он наутро погиб,
 он в блевоте своей захлебнулся
Схоронила не плача,
 но петь с той поры не могла

С болью наедине
С Богом наедине
Страшно остаться мне
Зверю Его охот
Рыбе Его тенет

Вячеслав Куприянов

Ветшают старые храмы
отслужив свою службу
пора
сберегать их певчее царство

внутри нас

Тускнеют лики
на древних иконах
да сохранится их свет
на наших нынешних лицах

Размывает время
черты Спаса на фресках –
время
чтобы стали живее и чище
наши
собственные черты

Эрнст Барлах: изваяние летящего ангела

Трагически необтекаем
все ветры века
проходят сквозь
его лицо

Ангел в военной шинели

Ангел в больничном халате

Необходимы цепи
чтобы он не рухнул на землю

Необходимы своды храма
чтобы он не взлетел

Творчество

Творящий лирику
в эпоху эпоса

творящий трагедию
в эпоху оды

творящий человека
в эпоху человечества

творящий добро
в эпоху раздобривших

творящий свое
в эпоху освоенного

творящий странное
в эпоху расчисленного

творящий
в эпоху сотворенного

среди дозволенных чудес
вечно творит

недозволенное
чудо

Сон России

Россия спит в холодной росе
и ей снится
будто она Америка –
ее болтуны – конгрессмены
ее лодыри – безработные

ее хулиганы – гангстеры
ее пьяницы – наркоманы
ее спекулянты – бизнесмены
ее русские – негры
и надо лететь на Луну

Россия просыпается в холодном поту
все как будто на месте
болтуны как болтуны
лодыри как лодыри
хулиганы как хулиганы
русские как русские
надо только приземлиться
в заданном районе
и Россия опять засыпает
и в ней просыпается русская идея –
будто Америка спит и видит
будто она – Россия

Каждую ночь

мертвец
приподнимает
гробовую плиту
и проверяет на ощупь:

не стерлось ли
имя
на камне

В чужом городе

Если моим именем назовут улицу
я бы ничего не имел против
пусть у нее будут мои привычки
забредать поздно в глухие переулки
только одно бы меня смущало
что на этой улице
будут жить глухие люди

Если моим именем назовут человека
я бы ничего не имел против
пусть у него будут мои надежды

в каждом встречном узнавать друга
только одно бы меня смущало
что у человека будет собака

Если моим именем назовут собаку
я бы ничего не имел против
пусть у нее будут мои глаза
где встречаются люди и переулки
только одно бы меня смущало
что у собаки будет хозяин

птица
вылупится
из яйца
луны

дерево
вырастет
из семени
солнца

песня
польется
из кроны
звезд

вот и будем
встречаться
в этом
саду

Спета песня твоя
соловей

Наступает время
волчьего воя
шипенья змеи
смеха гиены
крокодиловых слез

Львиной
доли

← précédent 9 E